

Д.Э. Летняков

Дворянство как участник революционного движения: российские особенности

Участие дворянского сословия в революции исторически характерно не только для России. Достаточно вспомнить, что именно союз буржуазии и «нового» дворянства (джентри) сформировал главную оппозиционную силу королевской власти во время Английской революции 1640–1649 гг., а одними из ключевых деятелей Великой Французской революции были граф Мирабо и маркиз Лафайет. Но российская ситуация, что отнюдь не редкость, имеет свои особенности. В данном случае их по меньшей мере две.

Во-первых, в России дворянство долгое время стояло в авангарде революционной борьбы (более того, до середины XIX в. русское освободительное движение почти сплошь дворянское, выходцев из других социальных групп там практически нет), в то время как в Европе классическая революция Нового времени всегда представляла собой совместную борьбу наиболее прогрессивной части дворянства и буржуазии, к которым присоединялись зачастую и социальные «низы». Во-вторых, только в России дворянство участвовало в революции с таким радикализмом и жертвенностью, которые выливались в готовность полностью порвать все связи со своим кругом, сформировали чисто русский феномен «хождения в народ», покаяния перед ним (тип «кающегося дворянина»), стремления любым способом искупить «грех отцов». Об этих особенностях мы и хотели бы поговорить в данной статье.

Русское дворянство – авангард революционного движения

Русскую революционную традицию принято начинать с А.Н.Радищева¹, который, будучи дворянином, написал первую революционную книгу в истории России – «Путешествие из Петербурга в Москву». В ней он высказался в пользу отмены крепостного права, свержения самодержавия и установления республики, воспел в оде «Вольность» Вильгельма Телля, Брута и Кромвеля как символы борьбы с тиранией. Последнему, например, прямо ставилось в заслугу то, что он «Карла на суде казнил»². Спустя некоторое время дворянство от слов переходит к делу – в 1816 г. в России возникает первая революционная организация, состоявшая из офицеров. Это был Союз спасения, в который вошли многие из будущих декабристов: Павел Пестель, Иван Якушкин, братья Муравьевы-Апостолы. К моменту восстания в 1825 г. декабристские общества будут включать в себя сотни участников, среди которых огромное количество представителей дворянской элиты, цвет русской аристократии – Голицыны, Трубецкие, Корфы, Фонвизины, Волконские и пр. В конце следующего, николаевского царствования дворянство в лице А.И.Герцена и Н.П.Огарева впервые начинает широкую пропаганду революционных идей в русском обществе, основав в Лондоне «Вольную русскую типографию».

Таким образом, как уже говорилось, начальный этап формирования революционной традиции в России стал исключительно дворянским, до эпохи Великих реформ мы практически не встречаем среди революционеров в России представителей других сословий. Можно отыскать, конечно, отдельные фигуры вроде происходившего из семьи священника Федора Кречетова, вольнодумца и просветителя екатерининской эпохи, или сына флотского врача В.Г.Белинского, одного из первых в когорте т. н. «революционных демократов». Но все это скорее редкие исключения.

И такая ситуация вполне объяснима: дело в том, что в русских реалиях конца XVIII – первой половины XIX вв. просто не было других социальных групп, которые могли бы взять на себя функцию борьбы с самодержавием и крепостничеством. Скажем, «третье сословие», являвшееся в Европе двигателем социальных изменений, не было таковым в России, поскольку в условиях отсутствия в стране свободного труда русские купцы и промышленники

оказались самым тесным образом связаны с крепостничеством: на их фабриках и заводах работали те же крепостные крестьяне. А потому отечественные протобуржуазные слои нуждались в сохранении и укреплении существующих социально-политических порядков и не рассматривали феодальную систему в качестве тормоза для экономического развития. При этом естественно, что в рамках подобной экономической модели в России был абсолютно не сформирован пролетариат (для сравнения – в Англии уже в 30-е гг. XIX в. промышленные рабочие были достаточно хорошо организованы, они объединялись в различные общества и ассоциации, боролись за расширение избирательных прав). Что касается крестьянства, то, замкнутое в своей общине, задавленное вековым гнетом, характеризующееся архаичным мировоззрением и т. н. «царистскими иллюзиями», оно также не могло еще стать субъектом политического процесса. Только дворянство как наиболее образованная и культурная часть общества имело возможность взять на себя роль передового отряда в борьбе с самодержавно-крепостническим строем.

Тем не менее само по себе отсутствие других субъектов революционной борьбы еще не является достаточной причиной для того, чтобы таковым стало дворянство. Все равно остается открытым вопрос: почему сословие, которое рассматривалось самодержавием в качестве своей главной опоры, которому короной было даровано монопольное право на занятие руководящих должностей в гражданском и военном управлении, сословие, в интересах которого правительство последовательно закрепощало крестьян, вдруг первым оказалось в оппозиции существующим порядкам? Хотя, конечно же, нужно оговориться, что эмансипаторские настроения разделяли далеко не все дворяне, с конца XVIII – начала XIX вв. русский нобилитет раскалывается, по сути, на два лагеря: дворян-крепостников, «консерваторов», стремившихся сохранить существующий статус-кво, зафиксировать свои корпоративные привилегии, и дворян-«эмансипаторов», которым были близки реформистские или революционные лозунги.

На наш взгляд, было несколько причин обозначенного выше раскола среди дворянства и появления у определенной его части оппозиционных настроений. На это серьезно повлияла, во-первых, культурная европеизация «благородного сословия», восприятие

наиболее образованными дворянами идей Просвещения. Это наглядно видно уже у А.Н.Радищева, который активно использует концепции естественного права и общественного договора для обоснования своих революционных взглядов. Так, Радищев заявляет, что если при рождении, «от чрева матери», все люди равны, то они должны быть равны и в ограничении свободы в государстве. Поэтому «порабощение есть преступление», нарушение общественного договора, и, следовательно, крепостные крестьяне имеют право на восстание³. Европейская цивилизация и политическая мысль и дальше будут важнейшими факторами вызревания революционных идей в России: из заграничного похода русской армии привезут свои «вольнлюбивые мечты» декабристы (один из них, М.Муравьев-Апостол, неслучайно называл себя и своих соратников «детьми 1812 года»), под влиянием европейских социалистических доктрин возникает в России сначала народничество, а затем русский марксизм.

Хотя нельзя не признать, что ситуация взаимодействия русско-го дворянства с Европой была довольно парадоксальной. С одной стороны, по мере знакомства с европейской действительностью и культурой образованные дворянские круги все меньше устраивали господствующие в России архаичные общественные, политические и экономические порядки. С другой стороны, именно эти порядки, в частности, возможность владеть крестьянами, позволяли дворянам быть «европейцами»: путешествовать за границей, учиться там, нанимать французов-гувернеров для своих детей, выписывать английские газеты и т. д. И это неизбежно делало значительную часть дворянской корпорации самыми верными сторонниками самодержавия, сословных привилегий и крепостничества, воспитывало тот самый тип «крепостника-вольтерьянца», о котором с иронией писал М.О.Гершензон в «Вехах».

Большую роль в появлении дворян-«эмансипаторов» сыграло доведение крепостного права до откровенно уродливых форм, вызывавших отторжение у той части помещичьей корпорации, которая сохранила понятие о человеческом достоинстве и элементарной порядочности. Вряд ли случайно, что русская революционная традиция зарождается в правление Екатерины II. Это было время, когда своего апогея достигают, с одной стороны, крепостничество (крестьяне лишаются практически всех личных и имущественных

прав, в т. ч. права жаловаться на своих помещиков – указ от 1767 г.), с другой – дворянские привилегии. В «золотой век» Екатерины «благородное» сословие получает освобождение от обязательной службы, от телесных наказаний, налогов и повинностей, ему даруется право на сословный суд и дворянское самоуправление, а также исключительное право владеть землей с крестьянами. Эта ситуация вопиющей несправедливости заставляет многих думающих людей в России повторять вслед за Ф.Кречетовым, что «раз дворянам сделали вольность, для чего же оную не распространить и на крестьян, ведь они тоже люди»⁴. Усилила соответствующие настроения Отечественная война 1812 г., которая привела к общему патриотическому подъему и заставила многих дворян взглянуть на крестьян не как на «живую собственность», а как на сограждан.

Также сюда можно добавить растущее техническое и экономическое отставание России от ведущих европейских держав, которое с начала XIX в. становилось все более очевидным в первую очередь все для того же дворянства, являвшегося самым передовым слоем русского общества.

Только в середине XIX в. революционное движение в России начинает существенно менять свой социальный облик, ибо в него активно вливается новый тип – разночинец. В это время заявляют о себе Н.Г.Чернышевский, Н.А.Добролюбов, С.Г.Нечаев и другие. Такое «разбавление» дворянского элемента в революции было вызвано тем, что после Великих реформ Александра II в России начинается эрозия жесткой сословной структуры. На стыке различных сословий возникает широкий круг людей, которые, с одной стороны, были достаточно образованны (зачастую они имели университетское образование), с другой – в силу своего невысокого происхождения занимали маргинальное положение в российском обществе, где социальные лифты по-прежнему работали еще очень слабо. Ужасающая бедность, почти полное отсутствие перспектив, невключенность в общественную и политическую жизнь, безусловно, питали радикальное мировоззрение нарождавшегося слоя разночинцев. Однако нужно еще раз оговориться, что дворянство и в пореформенный период продолжает играть в революции важнейшую роль, из этого сословия по-прежнему выходят крупнейшие теоретики и организаторы революционной борьбы. Достаточно назвать имена П.А.Кропоткина, Г.В.Плеханова и В.И.Ленина.

Так что разночинцы не вытесняют дворян в освободительном движении, а лишь соединяются с ними в своей яростной борьбе с общим врагом. Поэтому со второй половины XIX в. главную силу, которая противостоит русскому самодержавию, все чаще называют словом «интеллигенция», подразумевая под ним всю образованную часть общества, независимо от происхождения. Именно русскую интеллигенцию, которая была носителем радикального типа сознания и идейным вдохновителем революции, критикуют либеральные авторы знаменитого сборника «Вехи», клеймят все без исключения мыслители и публицисты, принадлежащие консервативному лагерю: К.Н.Леонтьев, Л.А.Тихомиров, М.О.Меньшиков и пр. Вплоть до гибели «старой» России двумя главными источниками, из которых формировалась русская интеллигенция, было дворянство и разночинство.

Таким образом, дворянское сословие, и в этом особенность российской ситуации, сыграло определяющую роль в формировании и развитии русской революционной традиции. Оно первым высказало саму мысль о необходимости революции в России (Радищев), решилось на открытое выступление против самодержавия (декабристы), первым попыталось донести идеи борьбы с самодержавно-крепостническим строем до широких слоев русской общественности (Герцен и Огарев). Перефразируя концепцию В.И.Ленина о гегемонии пролетариата в буржуазной революции, можно сказать, что в русском освободительном движении, как это ни парадоксально, таким гегемоном долгое время было дворянство. По-настоящему ситуация меняется лишь в начале XX в., когда в России на политическую сцену впервые за очень долгое время выходят широкие народные массы.

Феномен «кающегося дворянина» в русском революционном движении

Выражение «кающийся дворянин» принадлежит, как известно, перу одного из теоретиков народничества, Н.К.Михайловского, который употребил его впервые в своих очерках «Вперемежку», выпущенных в 70-е гг. XIX в. С тех пор оно прочно вошло в публицистику пореформенной России для обозначения определенного

типа дворянских революционеров, которые шли в освободительное движение с мыслью о своей исторической вине перед закрепощенным народом, одержимые страстным желанием трудом на благо народных масс, участием в революции искупить «грех отцов», десятилетиями живших за счет эксплуатации крестьян.

Вот как писал об этом в своих воспоминаниях бывший лидер партии эсеров В.М.Чернов: «Кающийся дворянин чувствовал себя в неоплатном долгу перед народом, бичевал себя сознанием своей исторической виновности, хотя бы лично он и был совершенно “без вины виноватым”»; удрученный этим сознанием, он готов был добровольно выкраивать ремни из собственной кожи, чтобы только уплатить по “историческому векселю”»⁵. Ему вторит большевик В.В.Воровский, автор романа «Лишние люди»: «Для кающегося дворянина естественна была мысль, что именно он, законный наследник поколений, взваливших на плечи крестьянина эти тысячелетние труды, что он-то и должен идти теперь к крестьянину и помочь ему “устроить жизнь по-новому”, вздохнуть полной грудью»⁶.

«Покаяние» перед народом могло проявляться по-разному. Например, П.А.Кропоткин в своих воспоминаниях рассказывает о том, как молодые дворяне-революционеры, выходцы из достаточно обеспеченных семей, специально питались едва ли не впроголодь, куском черного хлеба и соленым огурцом в день, снимали тесные каморки на несколько человек, т. к. были убеждены, что просто не имеют морального права на безбедное и сытое существование, в то время как масса народа в буквальном смысле голодает. «Вся Россия читала с удивлением во время процесса каракозовцев, что подсудимые, *владевшие значительными состояниями*, жили по три, по четыре человека в одной комнате, никогда не расходовали больше, чем по десяти рублей в месяц на каждого, и все состояние отдавали на устройство кооперативных обществ, артелей, в которых сами работали... (курсив мой. – Д.Л.)»⁷. Да и сам Кропоткин разве не может быть отнесен к этому же типу «кающегося революционера»? Представитель древнего княжеского рода, гордившегося своим родством с Рюриковичами, выпускник самого престижного учебного заведения в императорской России – Пажеского корпуса, человек, перед которым открывались блестящие перспективы военной и придворной карьеры, бросает все и выбирает для себя совсем другую жизнь.

Заметим, что и легендарное «хождение в народ» русской молодежи в 1870-е гг. не только имело целью поднять крестьян на революцию, но было следствием этих же «покаянных» настроений. Одним из тех, кто идеологически обосновывал необходимость «идти в народ», был дворянин П.Л.Лавров. В своих «Исторических письмах» он сформулировал теорию «неоплатного долга» интеллигенции перед народом за возможность получить образование, стать культурным и просвещенным человеком. Нужно было попытаться хотя бы частично вернуть этот «исторический долг». Поэтому «молодые люди отправлялись... в деревню как врачи, фельдшеры, народные учителя, волостные писаря. Чтобы еще ближе соприкоснуться с народом, многие пошли в чернорабочие, кузнецы, дровосеки... Они просто желали обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-либо образом выбраться из тьмы и нищеты...»⁸.

Любопытно, что такой тип дворянина-революционера был характерен только для России, нигде больше дворянское покаяние перед простым народом не принимало столь радикальные формы и не носило столь массовый характер, нигде не ощущалось и не переживалось так остро. Мимо этого явления не смог пройти даже такой консервативный автор, как И.Л.Солоневич, которого трудно заподозрить в симпатиях и к дворянству, и тем более к революционерам. Солоневич, в частности, пишет, что «ни покаянием, ни хождением в народ... [польский шляхтич] не занимался никогда. Не каялись также ни прусский юнкер, ни французский виконт. Это было явлением чисто морального порядка, явлением чисто национальным: ни в какой другой стране мира кающихся дворян не существовало...»⁹. Сам Солоневич объяснял этот феномен особой «совестливостью» русского народа. Но нам такое решение вопроса исключительно в морально-этической плоскости представляется не вполне убедительным, тем более что довольно сложно верифицировать степень «совестливости» русских, немцев или испанцев. По всей видимости, определяющими тут были все-таки другие факторы. Скажем, феномен «кающегося дворянина» невозможно понять без анализа специфики той социальной системы, которая сложилась в Российской империи с начала XVIII в. Знаковыми характеристиками этой системы стали, во-первых, разорванность социокультурного пространства страны, а во-вторых, высочайший уровень эксплуатации недворянского населения. Разберем их по порядку.

Под разорванностью социокультурного пространства мы подразумеваем ситуацию, при которой в ходе петровских реформ в России появилось европеизированное (или квази-европеизированное) дворянское сословие, в мировоззренческом, культурном, лингвистическом и прочих смыслах отделенное от остального населения. Интересно, что даже отношения с Богом у русских дворян были особые: существовали специальные дворянские места в церквях и свои дворянские монастыри, куда постригали только представителей нобилитета¹⁰. Эту проблему раскола в русском обществе, т.н. «культурной шизофрении», первый поднял еще Н.М.Карамзин, посетовав в «Записке о древней и новой России», что «Петр ограничил свое преобразование дворянством»¹¹. С тех пор этой теме было посвящено столько научных и публицистических работ, что останавливаться на ней подробно вряд ли имеет смысл. Отметим лишь то, что непосредственно относится к нашему вопросу.

Оторванность «благородного» сословия от непривилегированных слоев общества превратила русских дворян в «поврежденный класс полуевропейцев» (А.С.Грибоедов) с искаженным самосознанием, сделала из них людей, которые были по сути чужими в собственной стране, за пределами дворянского круга и при этом не воспринимались до конца своими в Европе, где многие из них проводили значительную часть своей жизни. Но такое ненормальное, болезненное существование не могло продолжаться бесконечно. В какой-то момент дворянство стало искать общности с народом, начало пытаться сломать перегородки, разделяющие его с остальной частью русского общества, для того чтобы восстановить эту некогда разорванную связь, найти свои корни, свое место в мире.

Эта тенденция могла проявляться в разных формах. Вряд ли мы ошибемся, если укажем в качестве примера на славянофильство с его идеализацией общины, русского народа, его быта и уклада жизни¹². Так, в одной из своих работ видный славянофил К.С.Аксаков специально разводил понятия «публика» и «народ» применительно к России на том основании, что публика – это дворянство, которое «выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки», а народ, в противоположность этому, «черпает жизнь из родного источника»¹³. И идеологи славянофильства настаивали на необходимости для высших кругов русского общества стать как можно ближе к народной жизни, к этому самому «родному источ-

нику». Правда, для самих славянофилов провозглашаемое сближение с народом ограничилось в основном несколько комичным ношением бороды, косоворотки и высоких сапог в русском стиле.

Еще одним выражением указанной тенденции стало «хождение в народ». Мы уже отмечали многоплановость этого феномена, в котором идея о «возвращении долга» угнетенному народу соединилась со стремлением «разбудить» крестьянские массы для политического действия; но здесь было также желание понять жизнь народа, стать его частью. Вот почему дворянские дети участвовали в этом движении с таким невероятным энтузиазмом. Непосредственную связь между социокультурным расколом в русском обществе и дворянским «покаянием», «хождением в народ» отмечал еще Н.А.Бердяев в известной работе «Истоки и смысл русского коммунизма»: *«Русское народничество есть порождение раскола Петровской эпохи. Оно есть продукт сознания интеллигентными слоями неоправданности своей жизни, нелепости своей жизни, продукт неорганического характера всего строя русской жизни. Ни один народ Запада не пережил так сильно мотивов покаяния, как народ русский в своих привилегированных слоях. Создался своеобразный тип “кающегося дворянина”. “Кающийся дворянин” сознавал свой социальный, а не личный грех, грех своего социального положения и в нем калялся (курсив мой. – Д.Л.)»*¹⁴.

В стремлении радикально настроенной части русской интеллигенции «искать общности» с народом был и чисто утилитарный смысл: наиболее дальновидные из революционеров понимали, что революция может быть успешной только в том случае, если им удастся вовлечь в нее народные массы, если у них получится перестать быть «революционерами без народа» (В.Г.Короленко). А это было невозможно до тех пор, пока в крестьянстве сохранялось настороженное, если не сказать враждебное отношение ко всем людям, «носящим немецкое платье», по формулировке Н.Г.Чернышевского. Поэтому прав был М.А.Бакунин, когда говорил, что «вопрос о нашем сближении с народом *не для народа, а для нас, для всей нашей деятельности*, есть вопрос жизни и смерти... (курсив мой. – Д.Л.)»¹⁵.

И, пожалуй, главной трагедией XIX в. для русского революционного дворянства и всей интеллигенции стало то, что никакой общности с народом они найти не смогли. Ленинское «страшно

далеки они от народа» о декабристах было справедливым приговором. Сохранились донесения полицейского агента относительно того, как воспринял простой народ расправу над участниками восстания на Сенатской площади. Общее настроение передают слова одного из дворовых людей: «Начали бар вешать и ссылать на каторгу, жаль, что не всех перевесили, да хоть бы одного кнута отодрали и с нами поровняли; да долго ль, коротко ли, им не миновать этого»¹⁶.

Но декабристы особенно и не стремились приблизиться к народным массам, их восстание планировалось как типичный военный переворот, в котором солдатам отводилась по сути роль «пушечного мяса». Рассказ о том, что декабристы вывели солдатскую массу на площадь, говоря, что они выступают за императора Константина и его жену Конституцию, если и является анекдотом, то весьма правдоподобным. Намного более серьезным ударом для революционного движения в России оказался провал «хождения в народ», осознание того факта, что, несмотря на все старания, пропасть между людьми, носящими «немецкое» и русское платье, между бариним и мужиком оказалась непреодолима. Даже если барин попытался сам на время превратиться в мужика.

Следующий отмеченный нами фактор в появлении феномена «кающегося дворянина» касался той высочайшей степени эксплуатации, которую испытывали на себе народные массы в императорской России. На первый взгляд, здесь нет ничего специфически русского – тяжелые налоги и повинности в пользу элиты повсюду были уделом социальных «низов». Однако существенное отличие состояло в том, что в Европе с началом формирования колониальных империй главным объектом эксплуатации становятся все-таки колонии, тогда как в метрополиях постепенно происходят процессы социальной эмансипации. В России же, не имевшей заморских территорий, но желавшей конкурировать на равных с государствами Запада (в этом состоял смысл петровских реформ), элита вынуждена была превратить в колонию собственное население. Так возник особый тип «сращенной империи» (А.Г.Глинчикова), в которой колония и метрополия не были разделены географически и политически – по сути, граница между ними проходила по социальному признаку: в роли «метрополии» в России выступало дворянское сословие, составлявшее элиту общества, наделяв-

шееся в течение XVIII в. все новыми правами и привилегиями, а в роли «колонии» оказалось остальное население, прежде всего крестьянское, положение которого к концу того же XVIII столетия все больше напоминало положение плантационных рабов. Любое сопоставление уровня жизни в Российской империи и других развитых странах по таким показателям, как продолжительность жизни, ВВП на душу населения, распространение грамотности и пр., вплоть до революции 1917 г. было явно не в пользу России.

Такой «запредельный» уровень эксплуатации народа, крайняя степень его бедности и некультурности в совокупности с бесправием, выключенностью из социально-политической жизни, естественно, вызывали острое сочувствие у русской интеллигенции, что хорошо видно по сохранившимся воспоминаниям народников об их жизни в деревне. Например, воспоминания дворянки Веры Фигнер, которая работала фельдшером в Самарской губернии, оставив для этого учебу на медицинском факультете в Цюрихе, полны рассказов о «бездне народной нищеты и горя», о «такой невообразимой грязи жилища и одежды», о «пище, столь нездоровой и скудной, что останавливаешься в отупении перед вопросом: есть ли это жизнь животного или человека?»¹⁷. И если у революционера-разночинца, зачастую такого же несчастного, голодного и бесправного, картины из крестьянской жизни вызывали лишь чувство жалости к народу и злобы на правительство, то та часть революционеров, которая происходила из дворянства и по факту своего рождения принадлежала к «классу эксплуататоров», испытывала, помимо сострадания, еще и угрызения совести. Эти люди не могли не понимать, что их просторные «родовые гнезда», балы, поездки за границу и учеба в университетах – все это было оплачено той «бездной народной нищеты и горя», о которой писала В.Фигнер.

Наконец, говоря о типе «кающегося дворянина», нельзя игнорировать и чисто психологические факторы, такие как специфические черты, свойственные всему русскому образованному классу, на которые обращали внимание авторы сборника «Вехи», посвященного анализу феномена русской интеллигенции. Например, один из веховских авторов, С.Н.Булгаков, отмечал наличие у русской интеллигенции особой «перевернутой» религиозности без Бога, которая заключается в том, что интеллигенция при всем

своем атеизме сохранила тем не менее черты религиозного мировоззрения, стремление к идеальному. В результате вместо стремления «пострадать за Христа» у нее возникло желание «пострадать за народ», вместо покаяния перед Богом появилось «социальное покаяние» перед эксплуатируемым народом, вместо поклонения Богу развился культ народа («религия человекобожества»). Помимо «перевернутой» религиозности тот же Булгаков отмечает максимализм и идеализм у лучших представителей русской интеллигенции, «неизменную готовность на всякие жертвы» ради своих идеалов¹⁸. Об интеллигентском культе народа пишет в «Вехах» и С.Л.Франк: «Его [интеллигента] Бог есть народ, его единственная цель есть счастье большинства, его мораль состоит в служении этой цели»¹⁹. Почти слово в слово повторяет высказывание Франка другой веховский автор, Н.А.Бердяев, правда, уже в другой своей работе: «Для народнического сознания *народ подменил Бога*, служение народу, его благу и счастью подменило служение правде и истине. Во имя народа как идола готовы были пожертвовать величайшими ценностями и святынями... (курсив мой. – Д.Л.)»²⁰. Наличие этой специфической, чисто русской «религиозности» атеистов-революционеров признавали и они сами. С.М.Кравчинский, один из числа кающихся дворян-народников, писал: «Движение это [хождение в народ] едва ли можно назвать политическим. Оно было скорее каким-то *крестовым походом*, отличаясь вполне разительным и всепоглощающим характером *религиозных движений*... Тип пропагандиста семидесятых годов принадлежал к тем, которые выдвигаются скорее религиозными, чем революционными движениями. *Социализм был его верой, народ – его божеством* (курсив авт.)»²¹.

Все эти психологические особенности накладывались на социокультурные, политические и экономические факторы, о которых мы говорили выше. Жертвенность, страстная вера в собственные идеалы и искреннее желание пострадать за народ (который надеялся самыми положительными качествами и почти обожествлялся), в совокупности с той неприглядной картиной народной жизни, которую видела вокруг себя интеллигенция, производили на свет ту самую фигуру «кающегося дворянина», нигилиста и радикала, готового принести собственное счастье, здоровье и даже жизнь на алтарь т.н. «народного блага».

Примечания

- ¹ См.: *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России 1783–1883 гг. М., 1986.
- ² *Радищев А.Н.* Ода «Вольность» // *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Paris, С. 125.
- ³ См. *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Paris. 1994: «Booking International». С. 85–86.
- ⁴ Цит. по: *Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П.* Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от юриковичей до олигархов. М., 2006. С. 229–230.
- ⁵ *Чернов В.М.* Записки социалиста-революционера. Электронный ресурс: <http://lib.rus.ec/b/11153/read>
- ⁶ *Воровский В.В.* Лишние люди. Электронный ресурс: http://az.lib.ru/w/worowskij_w_w/text_0040.shtml
- ⁷ *Кропоткин П.* Записки революционера. СПб., 2011. С. 265–266.
- ⁸ Там же. С. 265–266.
- ⁹ *Солоневич И.Л.* Народная монархия. Минск, 1998. С. 163.
- ¹⁰ См. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII–начало XX вв.): В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 84.
- ¹¹ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. Электронный ресурс: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/karamzin.htm>
- ¹² Хотя в первую очередь славянофильство было, конечно же, попыткой сформировать определенную русскую идентичность.
- ¹³ *Аксаков К.С.* Опыт синонимов: публика–народ. Электронный ресурс: http://gys-arhipelag.ucoz.ru/publ/ks_aksakov_opyt_sinonimov_publika_narod/6-1-0-1812
- ¹⁴ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Электронный ресурс: <http://magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn015.htm>
- ¹⁵ Цит. по: *Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика: Историко-философский очерк. М., 2001. С. 74.
- ¹⁶ Цит. по: *Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г.* Революционная традиция в России 1783–1883 гг. С. 106.
- ¹⁷ Цит. по: *Шербакова Е.И.* «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е гг. XIX века). М., 2008. С. 103.
- ¹⁸ См.: *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 2007. С. 57–105.
- ¹⁹ *Франк С.Ф.* Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 2007. С. 240.
- ²⁰ *Бердяев Н.А.* Гибель русских иллюзий. Электронный ресурс: <http://magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn040.htm>
- ²¹ Цит. по: *Богучарский В.Я.* Активное народничество семидесятых годов. М., 2011. С. 179.